

На правах рукописи

Пропп Ольга Викторовна

**Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа:
опыт взаимоотношений (1921-1925гг.)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург - 2002

Работа выполнена на кафедре документоведения
и информационно-правового обеспечения управления
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор М.Е.Главацкий

Официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор В.П.Леднев
доктор исторических наук, профессор М.И.Кондрашева

Ведущая научная организация – Пермский государственный университет
им. А.М.Горького

Защита состоится «15» февраля 2002 г. в 14 час. на заседании диссертационного совета Д. 212.286.04. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Уральском государственном университете им. А.М.Горького по адресу: 620083 г.Екатеринбург, проспект Ленина, 51, комн.248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2002г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук
профессор

В.А.Кузьмин

I. Общая характеристика работы.

Актуальность темы. Исследование проблем развития российской высшей школы на протяжении последних лет приобретает особую актуальность в силу ряда причин. Главная из них связана с современным положением вузовской системы, переживающей сложный период преобразования и приспособления к изменившимся политико-экономическим условиям. Поиски оптимальных вариантов образовательной реформы обусловили необходимость обращения к накопленному в данной области историческому опыту.

Развертывание системы высшего образования имело принципиальное значение для преодоления политической и культурной отсталости России периода модернизации. При этом можно с уверенностью говорить об исключительной значимости этого процесса на Урале в 20-е годы прошлого века, поскольку именно тогда происходило становление и укрепление первых высших учебных заведений в крае – Пермского и Уральского университетов. Усилиями приглашенных столичных ученых и местных энтузиастов они за короткое время превратились в центры науки, культуры и образования. Этот процесс был чрезвычайно сложным и многоплановым, и его изучение позволяет обобщить опыт взаимодействия с вузовской системой как местных, так и республиканских структур власти.

Как показывает анализ историографии, среди советских исследователей не было единого мнения относительно событий, происходивших в уральских вузах в 1-й половине 20-х годов. Этот факт сам по себе наводит на мысль о необходимости серьезного научного исследования по заявленной теме. А изменение историографической ситуации на рубеже 80-90-х годов, появление доступа к ранее закрытым источникам позволили не только «вскрыть» не затронутые научным анализом пласты исторического материала, но и рассмотреть многие известные сюжеты в совершенно новом ракурсе.

Степень изученности темы. Проблемы взаимоотношений высших учебных заведений Урала и власти в условиях нэпа еще не избирались в качестве самостоятельной темы исследования, хотя вопросы формирования советской высшей школы привлекали внимание многих политических деятелей и профессиональных историков.

В отечественной историографии вопроса можно выделить 2 этапа: 1) 50-80-е годы; 2) с начала 90-х годов.

Несмотря на то, что реформа высшего образования началась вскоре после Октябрьской революции, в 20-40-е годы практически не появилось работ, обобщающих и анализирующих ее проведение. Возможно, это объясняется тем, что проблема еще не перешла из практической плоскости в историческую, а процесс перестройки высшей школы был достаточно противоречивым и в практическом отношении не слишком эффективным.

В середине 50-х годов наблюдается пробуждение интереса к изучаемой проблеме. В определенной степени это можно объяснить юбилейными датами, которые отмечали старейшие вузы страны (Московский, Харьковский и Казанский университеты).

Положительную роль сыграло также относительное «потепление» политического климата в обществе, связанное со сменой партийного руководства. После XX съезда КПСС смягчается идеологический прессинг государства, что позволило ученым-обществоведам существенно расширить поле деятельности. Происходит увеличение источниковой базы исторических исследований, издаются статистические сборники¹, сборники документов². Продолжались публикации, анализирующие ленинское наследие.

Характерной чертой всех без исключения исследований 50-80-х годов является рассмотрение проблемы реформирования вузовской системы в историко-партийном аспекте. Основное внимание ученых было приковано к деятельности центральных и местных партийных органов, их борьбе за идеологическое завоевание вузов, воспитание кадров новой интеллигенции. Оценка результатов политики коммунистов в высшей школе носила обычно позитивный характер, а ошибки объяснялись присутствием субъективного фактора.

Значительное место большинство авторов отводило изучению места и роли рабочих факультетов в процессе советизации жизни высшей школы, а также мероприятий Наркомпроса по изменению социального состава студенчества.

Во 2-й половине 50-х годов практически одновременно появляется целый ряд трудов, в которых рассматривались как общие проблемы осуществления культурной революции в СССР, так и отдельные вопросы вузовского строительства в стране.

Среди работ первой группы хотелось бы выделить монографии М.П. Кима, которые представляют собой теоретическое осмысление советской культурной революции, её этапов и сущности³. В советское время указанные работы заслуживали высокой оценки историографов за свою добротность. Однако в них можно встретить множество положений и оценок, которые в настоящее время выглядят достаточно спорными.

Вопросам осуществления культурной революции в СССР посвящена также работа П.И.Кабанова⁴. Обращает на себя внимание характерная тенденция освещать непродуманные решения Наркомпроса как случайные, почти «стихийные» обстоятельства, с которыми партии удалось своевременно справиться.

Отдельные проблемы становления высшей школы Советской России и ее развития на различных этапах затрагиваются и в других трудах по истории культурной революции⁵.

Особенности структуры и функционирования советской вузовской системы раскрываются в работах С.В.Кафтанова⁶ и В.П.Елютина¹. Но истории

¹ Культурное строительство СССР: Стат.сб.- М., 1956.

² Из истории ВЧК. 1917-1921гг.: Сб. документов.- М: Госполитиздат, 1958.

³ Ким М.П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР.- М., 1955; Он же. 40 лет советской культуры. – М., 1957.

⁴ Кабанов П.И. История культурной революции в СССР (краткий очерк). – М.,1971.

⁵ Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР.- М., 1968; КПСС во главе культурной революции. – М., 1972.

⁶ Кафтанов С.В. Высшее образование в СССР. – М., 1950.

проведения в жизнь первого советского Устава высшей школы в них не уделяется должного внимания.

Некоторые сюжеты из истории создания высшей школы в СССР можно найти в трудах Е.В.Чуткерашвили². Автор разделяет мнение других советских ученых о том, что «в результате внимательного отношения к старой профессуре со стороны Советской власти к 1925 году произошел ее решительный переход на сторону пролетарского государства»³. С учетом качественного изменения социального состава студенчества это позволяло говорить о завершении политического завоевания высшей школы. Положение Уральского университета в отношении классового состава студентов Е.В.Чуткерашвили посчитал изначально более благоприятным, поскольку вуз был открыт в одном из крупных промышленных центров страны⁴.

Первой попыткой систематического изложения истории российского высшего образования была книга А.С.Бутягина и Ю.А.Салтанова «Университетское образование в СССР»⁵. В ней обзорно представлены основные этапы развития вузовской системы страны как до Октябрьской революции, так и после установления Советской власти, а также очерки действовавших в тот период 33 университетов. В работе раскрываются вопросы специфики университетов как особого типа учебного заведения, их вклад в развитие науки и подготовки научно-исследовательских кадров, но практически не отражается учебный аспект деятельности вузов.

Подготовку научно-педагогической интеллигенции в системе высшего образования России изучали А.Я.Синецкий⁶ и К.Т.Галкин⁷. В их работах высоко оцениваются мероприятия Советской власти, направленные на нейтрализацию влияния старой профессуры и воспитание марксистски мыслящих научных кадров. В целом можно констатировать, что указанная проблема была достаточно популярна у советских ученых, и ей был посвящен целый ряд специальных исследований⁸.

Во 2-й половине рассматриваемого историографического этапа (в 70-80-е гг.) произошел определенный сдвиг в сторону повышения профессионального уровня историков, расширения их научного кругозора и методических навыков, при сохранении принятых методологических подходов.

Вопросы перестройки высшей школы и вовлечения в этот процесс старой интеллигенции рассматриваются в монографиях С.А.Федюкина. Заслуга С.А.Федюкина состоит в том, что он первым отошел от сталинской схемы

¹ Елютин В.П. Высшая школа страны социализма. – М., 1959; Высшая школа СССР за 50 лет (1917-1967)./ Под ред. В.П.Елютина. – М., 1967.

²Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. – М., 1961; Он же. Кадры для науки. – М., 1968.

³ Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. – С.158.

⁴ Там же. – С.82.

⁵ Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. – М., 1957.

⁶ Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. – М., 1950.

⁷ Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. – М., 1958.

⁸ Ульяновская А.Я. Формирование научной интеллигенции в СССР. – М., 1966; Катунцева Н.М. Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. – М., 1977; Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917-1927 гг.) – М., 1980.

разделения интеллигенции после революции исключительно по классовому признаку, заявив, что «политический водораздел проходил не между групп интеллигенции, а внутри этих групп»¹. Его работы отличает использование обширного источникового материала, в том числе зарубежного, взвешенность оценок и подходов, в особенности в последних работах².

Множество идеологических штампов содержит исследование В.В.Украинцева, посвященное рассматриваемой проблеме³. Автор дает положительную оценку всему комплексу мероприятий Советской власти в системе высшего образования: введению разверстки при приеме в вуз, новым правилам формирования органов управления в них, «чисткам» студентов.

Характер так называемых «академических чисток», а также причины и следствия сокращения студенчества в годы нэпа в целом затрагивались и в работе А.П.Купайгородской, которая появилась гораздо позднее. Автор уже позволяет себе отойти от официальной версии «чисток», согласно которой их целью было избавление вузов от постоянно неуспевающих учащихся, «вечных» студентов и прочего «балласта». На материале ленинградских вузов она приходит к выводу, что «фактически процент неуспевающих и процент исключенных в результате «чисток» часто не имели между собой ничего общего»⁴.

Однако далее она утверждает, что сокращение количества студентов происходило как в порядке экономии средств, так и из-за проблем с трудоустройством дипломированных специалистов в условиях слабого развития народного хозяйства и безработицы⁵.

Между тем о несостоятельности вывода в отношении «перепроизводства специалистов» свидетельствует анализ исследований, посвященных положению советской интеллигенции в годы первых пятилеток. М.Е.Главацкий отметил полное единодушие авторов этих работ в оценке состояния с квалифицированными кадрами в стране: к указанному сроку, то есть к началу индустриализации, наблюдалась острая нехватка образованных людей, причем объясняется это упущениями в работе органов Наркомпроса, не справлявшихся с подготовкой специалистов⁶.

Однако в трудах историков, изучавших непосредственно состояние высшей школы в 20-е годы, таких серьезных негативных оценок деятельности Наркомпроса практически не найти. Они заостряли внимание преимущественно на объективных экономических причинах сокращения студенчества и сети вузов (а только с 1922 по 1925 год количество высших учебных заведений в стране уменьшилось с 248 до 145), не связывая их напрямую с очевидным результатом – недостатком специалистов к концу 20-х годов.

¹ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты.- М., 1965.- С.26.

² Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция.- М., 1972.; Он же. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу.- М., 1977.

³ Украинцев В.В. КПСС – организатор революционных преобразований высшей школы.- М., 1963.

⁴ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925).- Л., 1984.- С.130.

⁵ Там же.- С.105.

⁶ Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР.- Свердловск, 1987. - С.79.

Наиболее обстоятельно страницы истории строительства советской высшей школы изложены в работе Н.Л.Сафразьян¹. Она дает подробный анализ партийной политики в области высшего образования, рассматривая процесс введения первого советского Устава высшей школы в вузах страны. При этом довольно критически оцениваются некоторые нововведения, осуществленные в рамках Устава, в частности, делается вывод о малоэффективности участия представителей советских общественных и хозяйственных организаций в административной академической деятельности вузов². Но общая характеристика результатов этой политики остается положительной.

В специальном исследовании Ш.Х.Чанбарисова рассматривается формирование университетской системы в Советской России³. Несмотря на использование характерной политической лексики, автор многие сюжеты излагает довольно полно, представляя позицию не только партийных органов, но и профессуры. При этом раскрывается ряд проблем, слабо освещенных ранее в исторической литературе – достоинства и недостатки большевистского прагматизма, под давлением которого происходило смещение акцентов с научно-исследовательской на учебно-практическую работу вузов, перестройка системы преподавания, деятельность университетских комючеек.

В целом партийная политика в высшей школе характеризуется Ш.Х.Чанбарисовым также позитивно. Левацкие перегибы на начальном этапе реформирования вузов он объясняет провокационной позицией троцкиста Е.А.Преображенского, стоявшего в 1921-1922 гг. во главе Главпрофобра⁴, а более поздние непродуманные нововведения Наркомпроса – извращением линии партии в строительстве университетской системы.

Ю.П.Шарапов занимался вопросами борьбы на идеологическом фронте в начале 20-х годов в «перестроечное время»⁵. Но общая тональность исследования не отличается от работ его предшественников. По-прежнему политика большевиков в отношении интеллигенции представлена как процесс перевоспитания последней, а сложнейшие политические катаклизмы, сотрясавшие высшую школу в первые годы нэпа, по мнению автора, были инспирированы силами не только внутренней, но и внешней контрреволюции⁶.

Концепция советской культурной политики, популярная у западных историографов, нашла отражение в работе С.А.Козлова⁷. Американские и европейские советологи справедливо разделяют руководство большевиков на сторонников «мягкой» и «жесткой» линии в отношении интеллигенции, несколько преувеличивая, на наш взгляд, степень «мягкости» тех, кого они относят к ее защитникам (Ленина, Троцкого, Луначарского, Бухарина).

Наряду с общими трудами по истории советского высшего образования

¹ Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921-1927).- М., 1977.

² Там же.-С.32.

³ Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. - Уфа, 1973; М., 1988.

⁴ Там же. – М., 1988. - С.126.

⁵ Шарапов Ю.П. Из истории идеологической борьбы при переходе к НЭПу.- М., 1990.

⁶ Там же.-С.98.

⁷ Козлов С.А. Новейшая западная историография о взглядах видных деятелей партии и государства на культуру и политику партии в области культуры в период НЭПа // Историческое значение НЭПа.-М., 1990.

исследователи подготовили немало публикаций, посвященных крупнейшим высшим заведениям страны. Наибольший интерес представляют монографии, в которых был отражен процесс реформирования в Московском и Ленинградском университетах¹.

Рассматривая проблему «Высшая школа и власть», советские ученые обычно много внимания уделяли её политическому аспекту, в то время как другие немаловажные моменты оставались «в тени». Например, теме материального положения научно-педагогической кадров и самих вузов в годы революции и нэпа посвящено необъяснимо малое количество публикаций. Иногда незначительные по объему сюжеты на обсуждаемую тему встречались в работах советских ученых, но в крайне политизированной форме.

Совершенно недостаточно места отводилось на данном этапе историографии рассмотрению основных направлений и результатов реорганизации научно-учебной деятельности вузов в годы нэпа.

Среди работ, которые помогают составить представление о системе обучения в советских вузах, можно назвать монографию С.И.Зиновьева, включающую небольшие исторические экскурсы в изучаемый период². Организации учебного процесса в высшей школе 20-30-х годов посвящается также отдельная глава в упомянутой книге Ш.Х.Чанбарисова.

В 50-80-е годы проблемы советского вузовского строительства на региональном уровне изучались достаточно интенсивно, хотя и в принятой партийно-классовой системе координат. На общем фоне выделяется деятельность сибирских исследователей, выпустивших во 2-й половине 80-х годов целый ряд научных сборников по изучаемой теме³. Среди них уважаемые историки, чьи работы на материале Сибири вызвали большой интерес - В.Л.Соскин⁴ и С.А.Красильников⁵. Многие труды названных ученых выходят за рамки региональных исследований и носят обобщающий теоретический характер.

В 50-80 гг. некоторые страницы истории вузовского строительства на Урале были представлены в очерковых сборниках «Уральский государственный университет»⁶, «Пермский государственный университет им. А.М.Горького. 1916-1966.»⁷ и некоторых других⁸. Авторы не смогли обойти вниманием

¹ Напр: Московский университет за 50 лет. – М., 1967; Очерки по истории Ленинградского университета. Т.1. – Л., 1962. Т.2. – Л., 1968.

² Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе.- М., 1975.

³ Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение,- Новосибирск, 1986; Кадры науки советской Сибири: проблемы истории.-Новосибирск, 1991. и др.

⁴ Соскин В.Л. Высшая школа Сибири в начале 20-х годов. // Культурное строительство в Сибири. Вып.2. – Новосибирск, 1965; Он же. Сибирские вузы в 1924-1927 гг. // Сибирь в период строительства социализма. Вып.6. – Новосибирск, 1966; Он же. Сибирь, революция, наука.- Новосибирск, 1989.

⁵ Красильников С.А. Формирование советской интеллигенции Сибири в переходный от капитализма к социализму период.- Новосибирск, 1987.

⁶ Горловский М.А., Чуфаров В.Г. Уральский государственный университет (краткий исторический очерк). – Свердловск, 1956.

⁷ Пермский государственный университет им. А.М.Горького. 1916-1966. – Пермское кн. изд-во, 1966.

⁸ Очерки истории Уральского университета.- Свердловск, 1967.; Уральский государственный университет.- Свердловск, 1980; Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермский государственный университет. 1916-1986.- Пермь, 1987.

«университетский кризис» в УГУ и другие события 1920-х годов, традиционно представив их в русле историко-партийного подхода.

В.Г.Чуфаров одним из первых занялся изучением проблем, связанных с осуществлением культурной революции на Урале, на уровне монографии¹. Отражая проведение в жизнь нового Устава вузов, он заостряет внимание на роли рабфаков, а также деятельности партийных ячеек, направленной на идеологическое завоевание уральских университетов. Отдельная глава посвящена развитию научно-исследовательской работы в ПГУ и УГУ на начальной стадии их жизнедеятельности. Однако анализа основных тенденций развития науки на местном уровне и влияния на этот процесс органов новой власти в работе найти не удалось.

Некоторые моменты борьбы партийных организаций Урала за перестройку высшей школы нашли отражение в исследовании В.П.Полева². Автор обоснованно выделяет 1923 год как переломный в процессе формирования политики Уралбюро ЦК по отношению к местной интеллигенции, а также в деле подчинения органов управления уральских вузов интересам новой власти. К этому времени среди уральского партийного руководства проявились две принципиально различные позиции, и оно разделилось на сторонников «жесткого» и «мягкого» подхода к интеллигенции, в том числе вузовской.

Однако трудно согласиться с общими выводами В.П.Полева, завершающими сравнительный анализ событий, которые происходили в Уральском и Пермском университетах в 1-й половине 20-х годов. По мнению автора, обстановка в УГУ в данный период была гораздо более благополучной, тогда как пермская профессура демонстрировала приверженность кадетским взглядам³.

Монография М.И.Кондрашевой, появившаяся в середине 80-х годов, содержит обстоятельное исследование процесса формирования новой интеллигенции на Урале⁴. Значительное место автор отводит рассмотрению основных этапов политического завоевания местных вузов и научных объединений.

Подготовка будущих специалистов в вузах Урала и процесс изменения классового состава студенчества освещается в исследовании Л.Я.Барановой⁵.

Проблемы становления советского высшего образования на Урале нашли отражение в работах М.Е.Главацкого, посвященных подготовке кадров технической интеллигенции в 20-30-е годы⁶.

К сожалению, местные историки не дают анализа причин катастрофического

¹ Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции.- Свердловск, 1970.

² Полев В.П. Борьба партийных организаций Урала за перевоспитание старой интеллигенции (1919-1927): Дисс. ... канд. ист. наук.-Свердловск, 1975.

³ Там же.-С.65.

⁴ Кондрашева М.И. Коммунистическая партия – организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917-1927 гг. - Иркутск, 1985.

⁵ Баранова Л.Я. Деятельность партийных организаций Урала по коммунистическому воспитанию студенчества вузов и техникумов в 1921-1927 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист.наук.- Свердловск,1981.

⁶ Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926-1937 гг.).- Свердловск, 1974.

положения с выпусками из вузов в первой половине 20-х годов. Этот факт упоминается у В.Г.Чуфарова¹, М.Е.Главацкого² и других ученых, но связывать его с советской реформой высшей школы никто из них не стал.

На протяжении 50-80-х годов изучение темы «Высшая школа и власть» продолжалось с достаточной интенсивностью. Методологической основой исследований неизменно служила марксистско-ленинская теория, а в ее границах – классовый подход. Поскольку реформирование вузов осуществлялось в интересах объективно передового класса, практически все мероприятия партии и правительства в области высшего образования заслуживали одобрительной оценки. В целом процесс создания и укрепления советской высшей школы выступал как последовательное воплощение ленинской идеи культурной революции, результатом которого был массовый прорыв трудящихся к знаниям. Количественные и качественные показатели повышения образовательного уровня населения по сравнению с царской Россией и государствами Запада давали наглядное подтверждение преимуществ социалистического строя, при котором в считанные годы была ликвидирована культурная отсталость страны. Такова была в общих чертах концепция истории высшей школы СССР к концу 1-го этапа историографии.

В 90-е годы, которые считаются началом нового этапа историографии, изучение проблем высшего образования было продолжено. В начале этого периода современная высшая школа вступила на путь серьезных преобразований, связанных с общим реформированием общества, его переходом от тоталитаризма к демократии. Поэтому в последнее десятилетие исследователи несколько активизировали свою деятельность на пути осмысления имеющегося исторического опыта и поиска выхода из создавшегося кризисного положения³.

В начале нового историографического этапа многие ученые-обществоведы обратились к методологическим разработкам своих западных коллег. Крах системы, построенной в соответствии с марксистско-ленинской теорией, вызвал сомнения в правильности формационного подхода. Появились сторонники цивилизационного подхода, который позволял восполнить многие очевидные недостатки учения Маркса (главным образом, абсолютизацию роли социально-экономического фактора и революционного насилия в историческом процессе⁴).

Историк А.В.Квакин выделил 3 парадигмы, которые использовали в середине 90-х годов его коллеги-обществоведы: 1) социальную, которая оперирует социальными, но внешними по отношению к политике величинами (например, марксизм); 2) культурологическую, в центре которой находится

¹ Чуфаров В.Г. Указ.соч. – С.120.

² Главацкий М.Е. Подготовка инженерных кадров на Урале в предвоенные годы // Вопросы истории Урала: Сб. статей Уральского университета. Вып.3. - Свердловск, 1963.- С.76.

³ Князев Е.А. Автономия и авторитарность (Исторический обзор реформ отечественного высшего образования). – М., 1991; Оразов М.Б. Высшая школа и рыночный механизм. – СПб., 1992; Развитие университетов в условиях рыночной экономики. – М., 1994 и др.

⁴ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. -1996. - №4. - С.3-32; Алаев Л.Б. Где тонко – там и порвалось // Новая и новейшая история. -1996. - №3. – С.88-90.

личность как источник и ядро политической жизни; 3) рационально-критическую, сторонники которой делают упор на целостности и взаимодополняемости элементов общества¹.

Однако при отсутствии больших научных трудов по теме говорить о концептуальных предпочтениях большинства исследователей сегодня пока сложно. Многие из них методологической основой своих работ избирают принцип историзма, который предполагает объективный анализ изучаемых проблем. Тем не менее в ряде публикаций, появившихся на страницах исторических журналов в середине 90-х годов, была продемонстрирована приверженность многих ученых марксизму и формационному подходу².

Одна из последних работ, посвященных развитию университетской системы в России, принадлежит А.И.Аврусу³. Это второе (после Ш.Х.Чанбарисова) издание такого рода, призванное рассмотреть все аспекты жизни университета как особого типа высшего учебного заведения. Процесс советизации вузов в 20е годы А.И.Аврус оценивает в основном негативно, заключая соответствующую главу словами о серьезном кризисе университетской системы, поставленной усилиями руководителей народного образования на край гибели⁴.

В 90-е годы активно выпускаются сборники исторических очерков отдельных вузов, наиболее интересный из которых приурочен к юбилею Санкт-Петербургского университета⁵. Появляются и работы о положении студенчества в изучаемый период⁶.

С учетом новых подходов в 90-е годы сибирским историком В.Л.Соскиным подготовлен целый ряд статей и монографий по истории науки и образования в Советской России⁷.

Обращают на себя внимание работы его коллеги С.А.Красильникова. В одном из своих исследований он показал особую роль ГПУ в формировании партийной культурной политики периода нэпа⁸.

Не прекращается на современном этапе изучение истории высшей школы на Урале. Формированию и деятельности высших учебных заведений края, а также людям, внесшим посильный вклад в этот процесс, посвящены очередные исторические очерки «Уральский государственный технический университет»⁹,

¹ Квакин А.В. Исследование истории российской интеллигенции: в поисках новых парадигм // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: Тез. докл. Всеросс. науч-практ. конф.-Иваново, 1993.-С.11-13.

² См: Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Размышление о новых подходах // Новая и новейшая история. -1995. - №1; Методологические поиски в современной исторической науке // Новая и новейшая история. -1996. - №3-4.

³ Аврус А.И. История российских университетов: Очерки.- М., 2001.

⁴ Там же.-С.126.

⁵ 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись 1724-1999. - СПб., 1999.

⁶ Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921-1927). – Тверь, 1996.

⁷ Соскин В.Л. Революция и культура (1917-1920 гг.). – Новосибирск, 1994; Он же. Переход к НЭПу и культура. – Новосибирск, 1997; Он же. Общее образование в советской России: первое десятилетие. – Новосибирск, 1998; Он же. Высшая школа – конец автономии (1921-1922 г.г.) // Alma mater. 1998. № 1-2.

⁸ Красильников С.А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922-1923 г.г.// Интеллигенция. Общество. Власть: Опыт взаимоотношений.- Новосибирск, 1996.

⁹ Уральский государственный технический университет. 1920-1995: Исторический очерк.- Екатеринбург, 1995.

а также монографии М.Е.Главацкого¹. Они охватывают период с момента появления идеи об учреждении вуза на Урале и до открытия университета.

В начале 90-х годов к очередному юбилею ПГУ вышла в свет книга о ректорах Пермского университета, где можно найти материал о событиях нэповского периода и судьбе виднейших персон из числа его преподавателей².

Итак, на протяжении 2-го этапа продолжается изучение проблемы «Высшая школа и власть», и в этом направлении исследователи достигли определенных успехов. Тем не менее многие аспекты заявленной темы остались неизученными. Поэтому рассмотрение проблемы взаимоотношений высших учебных заведений Урала и власти в 1-й половине 20-х годов остается актуальной задачей.

Объектом исследования в данной работе следует считать партийно-государственную политику в области высшего образования в условиях нэпа.

Предметом исследования является динамика взаимоотношений органов государственной власти и высшей школы Урала, представленной Уральским и Пермским университетами, в 1921-1925 гг.

Территориальные рамки исследования определяются границами Уральской области, образованной в 1923 году и включавшей в себя Екатеринбургскую, Пермскую, Тюменскую и Челябинскую губернии. До образования Уралобласти перечисленные губернии находились в зоне ответственности Уральского бюро ЦК РКП(б) (с 1923 г.- Уралобкома), выполнявшего роль основного источника власти в регионе. Изучение поставленной проблемы в данных территориальных границах позволяет выявить общие закономерности зарождения и развития высшего образования на Урале, обусловленные прежде всего потребностями края.

Хронологические рамки исследования ограничены 1921-1925 гг. не случайно. Начало этого периода совпадает с введением нового Устава вузов, ставшего основным событием в деле советизации высшей школы. Одновременно произошел переход к новой экономической политике, который породил у современников надежды на трансформацию режима и на определенном этапе рассматривался историками как время реальной альтернативы в социально-политическом развитии страны. Однако события развивались вполне линейно, завершившись в сфере высшего образования завоеванием основных командных высот в вузах и изменением контингента будущих специалистов. Этот факт, как важнейший результат 1924-1925 учебного года, констатировало и руководства Наркомпроса³, и партийная печать⁴. «Рубежный» характер 1925 года подчеркивали также советские исследователи⁵. К этому времени происходит окончательное внедрение основ марксизма в учебные программы, а сами предметы общественно-научного

¹ Главацкий М.Е. Рождение Уральского государственного университета. - Екатеринбург, 1995; Он же. История рождения Уральского университета. - Екатеринбург, 2000.

² Костицын В. Ректоры Пермского университета. 1916-1991. - Пермь, 1991.

³ Народное просвещение. -1925. - №7-8.-С.7.

⁴ Известия ЦИК И ВЦИК. -1925. - 6 сентября.

⁵ Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. – С.158.

минимума становятся их неотъемлемой частью¹. Материалы Уральского и Пермского университетов подкрепляют изложенную точку зрения.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является изучение общих принципов и особенностей реформирования вузов Урала в период нэпа, а также результатов этого процесса в условиях складывающегося тоталитарного режима.

Для реализации заявленной цели автор ставил перед собой несколько задач:

- проанализировать основные этапы и методы реорганизации административного аппарата вузов Урала согласно требованиям Устава 1921 года;

- изучить процесс адаптации учебной жизни уральских университетов к выполнению государственного заказа на подготовку новых специалистов;

- рассмотреть формирование основных направлений научной деятельности вузов Урала в указанный период и влияние на него органов власти.

Методология исследования определяется обращением к эпохе модернизационных сдвигов в российском обществе, когда складывалась система российского высшего образования. Теория модернизации позволяет говорить о закономерном характере этого процесса, направленного на преодоление политической и культурной отсталости России.

Несмотря на серьезнейшие просчеты и перегибы, допущенные партийным и государственным руководством страны на начальном этапе развития советской высшей школы, в целом развертывание системы образования, в том числе высшего, можно квалифицировать как один из признаков модернизации, объективно свидетельствующий о движении в направлении социального прогресса.

Научному анализу событий в рамках поставленной проблемы способствовало применение метода системного подхода, который подразумевает изучение исторических объектов как систем, в данном случае - высшего образования Урала и органов управления края. В свою очередь их необходимо рассматривать в качестве одной из составляющих общества как сложной системы политических, экономических и социальных отношений. Всестороннее исследование требует изучения их структуры и функций в органическом единстве, то есть структурно-функционального анализа.

В работе над диссертацией использовался также историко-сравнительный метод, который позволил путем сопоставления выявить сходство и различие в осуществлении советской реформы высшего образования в Пермском и Уральском университетах.

В основе нашего исследования лежит принцип историзма, нацеливающий на рассмотрение исторических объектов в развитии, а также принцип научной объективности. Их использование в сочетании с принципом ценностного подхода служит залогом получения объективного исторического знания, имеющего определенную социальную значимость.

Источниковая база исследования. В диссертации использовано

¹ Чанбарисов Ш.Х. Указ.соч.- М, 1988. - С.146.

значительное количество опубликованных и неопубликованных источников, которые можно разделить на несколько групп.

В первую вошли законодательные источники – нормативные и исполнительные документы органов новой власти (декреты СНК, инструкции Наркомпроса, циркуляры Главпрофобра, материалы центральных и местных партийных конференций, распоряжения Уралбюро ЦК и т.д.) Знакомство с ними стало возможным благодаря работе с фондами Центра общественных организаций Свердловской области (ф.1494 – Уралбюро ЦК РКП(б), ф.4 – Уралобком, ф.285 – партийная организация Уральского государственного университета, ф.76 – Екатеринбургский губком РКП(б)) и Пермского государственного архива новейшей истории (ф.557- Пермский губком РКП(б), ф.717 – партийный комитет Пермского государственного университета).

Изучение источникового комплекса данной группы позволило реконструировать сложный процесс преобразований, который пережили уральские университеты в годы нэпа. При этом политико-административные проблемы отражены в нем с достаточной полнотой. О других аспектах деятельности вузов помогла составить представление следующая группа источников.

Её составила делопроизводственная документация, в основном характеризующая управленческую деятельность в ПГУ и УГУ: протоколы заседаний правлений, студенческих и преподавательских собраний, учетно-контрольные документы, переписка с другими учреждениями. Эта организационно-распорядительная документация была привлечена к работе из Центра документации общественных организаций Свердловской области (ф.1494 – Уралбюро ЦК РКП(б), ф.285 – партийная организация Уральского государственного университета, ф.76 – Екатеринбургский губком партии), Государственного архива Свердловской области (ф.Р-227 – Уральский политехнический институт), Пермского государственного архива новейшей истории (ф.557 – Пермский губком РКП(б)) и Государственного архива Пермской области (ф.Р-180 – Пермский государственный университет, ф.Р-19 – исполком Пермского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, ф.Р-23 – отдел образования Пермского исполкома). Она дает сведения как о процессе политического завоевания органов управления в уральских университетах, так и о перестройке их научно-учебной жизни. Более полное представление о трудовой деятельности уральских профессоров позволило дать также приобщение к фондам Уральского экономического совета ВСНХ (ф.Р-193) и Уралпромбюро ВСНХ(ф.Р-95) Государственного архива Свердловской области.

Кроме того, в работе использованы документы из фондов Государственного архива административных органов Свердловской области (ф.1 – управление ФСБ РФ по Свердловской области) и Государственного архива Свердловской области (ф.Р-148 – Свердловский областной суд), где найден материал об уголовном преследовании представителей уральской профессуры.

Отдельные сюжеты, относящиеся к высшей школе, зафиксированы в партийном делопроизводстве.

К третьей группе источников принадлежат публицистические произведения, к которым, на наш взгляд, можно отнести многие работы основателя Советского государства В.И.Ленина, а также других большевистских лидеров – А.В.Луначарского, Н.И.Бухарина, Л.Д.Троцкого. Им свойственна необычайная политическая заостренность и полемическая тональность.

Публицистический характер имели дискуссии о судьбах русской интеллигенции, которые прошли с участием видных ученых и деятелей партии большевиков в 1923-1925 гг.

В этот раздел может быть внесен и юбилейный сборник «Екатеринбург за 200 лет (1723-1923)», где целая глава посвящена Уральскому государственному университету.

Отдельную группу источников традиционно составляют произведения, появившиеся на страницах местной и центральной печати («Уральский рабочий», «Звезда», «Студент-пролетарий», «Студент-рабочий», «Правда»), основным содержанием которых было обсуждение политических либо материально-бытовых проблем. Они позволяют изучить общественно-политические настроения и передать историческую атмосферу изучаемого периода. Здесь же следует упомянуть информативные и аналитические материалы, появившиеся в периодических изданиях того времени («Правда», «Народное просвещение», «Известия ЦИК и ВЦИК»).

В группу статистических и справочных материалов включены данные специального обследования, которое состоялось в Уральском университете весной 1921 года¹, а также сборники научно-справочного характера «Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б)»² и «Высшие учебные заведения СССР: Университеты, экономические и юридические вузы»³. Ценные сведения содержит обзорная брошюра, посвященная Пермскому государственному университету, где излагаются основные результаты деятельности одного из крупнейших факультетов ПГУ за 1923-1924 гг.⁴, и работы, в которых отражены биографические данные преподавателей и профессоров уральских университетов⁵.

Источники личного происхождения представлены опубликованными работами мемуарного характера. В частности, к ним принадлежат воспоминания участников и очевидцев процесса становления и советизации Пермского университета⁶, а также аналогичный сборник свидетельств, оставленных бывшими студентами и сотрудниками Уральского университета⁷. Значительно обогатили последнюю группу источников интереснейшие материалы из архива профессора Уральского университета В.Е.Грум-

¹ Преподаватели и студенты Уралуниверситета / Сост. В.Чельцов. - Екатеринбург, 1923.

² Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б).- М.-Л., 1934.

³ Высшие учебные заведения СССР: Университеты, экономические и юридические вузы. / Сост. С.И.Зиновьевым и Б.М.Ременниковым. – М., 1962.

⁴ Пермский педагогический факультет: Обзор деятельности за 1923-1924 гг. – Пермь, 1925.

⁵ Уральский государственный университет в биографиях. – Екатеринбург, 1995; Профессора Пермского университета: Библиографический указатель. – Пермь, 1991.

⁶ Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып.1. - Изд-во Томского университета, 1991.

⁷ Уральский государственный университет в воспоминаниях. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.

Гржимайло, прославившегося в начале прошлого века своей гидравлической теорией пламенных печей¹.

Кроме того, неопубликованные материалы названной группы источников были привлечены из фондов Государственного архива Пермской области (ф.Р-973 – личный фонд П.С. и И.С.Богословских, ф.Р-790 – архивная коллекция «Уральский биографический словарь» (фонд А.К.Шарца)).

Всего автором изучены материалы 16 фондов из 5 архивов Пермской и Свердловской областей. Многие документы вводятся в научный оборот впервые.

Научная новизна работы заключается в том, что проблемы высшей школы Урала в условиях нэпа впервые рассмотрены на уровне диссертации. При этом выявлены общие принципы и особенности формирования системы высшего образования на Урале; рассмотрены основные этапы политического завоевания вузов и научных обществ Урала в годы нэпа, отмеченные тактическим изменением партийного курса на местном уровне; показано материальное положение вузовской интеллигенции Урала и университетов в целом; исследованы надзаконные механизмы осуществления партийной политики в высшей школе; раскрыта роль нового студенчества в деле проведения в жизнь советской реформы высшего образования; изучены результаты реформирования вузов региона на основании нового Устава 1921 года, характеризующие практическую эффективность их работы; проанализированы основные принципы организации научно-исследовательской деятельности уральских университетов; введено в научный оборот множество малоизвестных источников.

В рамках данной темы, помимо сугубо научного интереса, можно говорить о **практической значимости** изучения проблем реформирования университетов, поскольку развитие ситуации в сфере высшего образования в современной России вызывает вполне определенные исторические аналогии с прагматическими установками большевиков в период нэпа. Исторический опыт, накопленный в деле отечественного вузовского строительства, может быть использован современными реформаторами.

Фактический материал диссертации, а также сделанные выводы и обобщения, могут быть привлечены специалистами при составлении лекций и спецкурсов по истории высшей школы России, а также в краеведческой работе.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на кафедре документоведения и информационно-правового обеспечения управления Уральского государственного университета им. А.М. Горького; докладывались на научных конференциях в УрГУ (1994, 1996, 1997, 1998).

Структура диссертации. Представленная к защите диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 4 параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

¹ Из бумаг металлурга В.Е.Грум-Гржимайло // Минувшее. Исторический альманах 2. – М., 1990; Грум-Гржимайло В.Е. «Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело...» Из жизни металлурга, рассказанной им самим. – Екатеринбург, 1994; Он же. Хочу быть полезным Родине.- Екатеринбург, 1996.

II. Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность и историческая значимость темы, характеризуется степень ее научной разработанности, источниковая и методологическая база, определяются цели и задачи исследования, научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Реорганизация административного аппарата вузов Урала в годы нэпа (1921-1925гг.)» посвящена изучению основных этапов идейно-политического завоевания органов управления в Уральском и Пермском университетах. На протяжении рассматриваемого периода эта задача являлась первоочередной, так как партийные лидеры всех уровней хорошо понимали зависимость результатов реформирования высшей школы от политической ориентации руководящих работников вузов, а с другой стороны – значение самой образовательной реформы в деле обеспечения доминирующего политического и идеологического влияния партии в стране.

Первый параграф «Начало проведения советской реформы высшего образования на Урале» характеризует первый этап перестройки жизни вузов в 20-е годы, который отмечен поисками приемлемого варианта реформы высшего образования и решением многочисленных проблем организационного и материального плана.

Советский Устав высшей школы, появившийся в 1921 году, призван был политически подчинить систему высшего образования интересам новой власти. На это были направлены основные мероприятия Главпрофобра: согласно Уставу, спешно сменялось руководство вузов, в руках которого сосредотачивалась вся полнота власти, а в состав всех университетских органов управления вводились представители государственных структур и коммунистического студенчества, что вызвало резкое сопротивление профессуры столичных вузов.

На Урале весной 1921 года события не достигли такой остроты, как в центре, по нескольким причинам. Для обоих местных университетов это был период становления, сопряженного с решением массы финансовых проблем. Ректорами на протяжении 1921 года оставались беспартийные профессора, деятельность которых более была направлена на ликвидацию материальных трудностей, чем на проведение политических аспектов реформы. Резких кадровых перестановок власть поначалу не предпринимала, не считая неудачной попытки Пермского губернского отдела народного образования назначить на место ректора ПГУ своего ставленника коммуниста К.А.Золотавина.

Первые выборы в университетах, состоявшиеся осенью 1921 года, позволили Уралбюро ЦК РКП(б) провести в состав правления Уральского университета 2 коммунистов – Б.В.Дидковского (ректором) и Л.А.Лазарева, но присутствие в этом органе управления профессорского большинства должно было обеспечить необходимый баланс интересов.

В Пермском университете за отсутствием подходящих партийных кандидатур руководство осталось в руках профессоров во главе с

А.А.Рихтером. Под контролем правлений в вузах началось формирование других органов власти, предусмотренных новым Уставом – советов вуза и факультетов, предметных комиссий, президиумов факультетов. Политическая обстановка оставалась относительно спокойной, хотя в Уральском университете выбытие из состава правления 2 профессоров явочным порядком обеспечило перевес в сторону коммунистов, что породило напряженность в их отношениях с беспартийной профессурой.

Исключительно тяжелым было материальное положение уральских вузов, что не раз ставило их на грань закрытия, но в конечном итоге привело к значительному сокращению количества факультетов в них. Порой за такими реорганизациями стояла элементарная некомпетентность чиновников от образования.

Ситуация в Уральском университете осложнялась наличием сепаратных настроений внутри институтов, собранных под его крышей. Это было связано с тем, что при структурировании вуза было решено остановиться на 3-ступенчатой схеме управления вузом: правление, руководство институтов, деканаты факультетов. Воспользовавшись тем, что фактически к весне 1922 года университет сократился до технических факультетов, часть профессоров во главе с А.А.Гапеевым высказалась за выделение Горного института из состава УГУ, чтобы освободиться от власти коммунистического правления. Эта попытка не удалась, а факультетские органы управления после указанных событий были напрямую переподчинены правлению.

Анализ содержания начального периода проведения реформы высшего образования на Урале позволяет сделать вывод о том, что на протяжении 1921-1922гг. в местных вузах сохранялась относительно спокойная обстановка, так как усилия всех участников процесса были направлены на сохранение высшей школы в непростых рыночных условиях. Другой причиной можно считать патриотические взгляды и сменовеховские убеждения большей части вузовской интеллигенции, которые позволяли ей добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности в надежде на трансформацию режима, начавшуюся, по ее мнению, с введением нэпа.

Однако на политические уступки большевики идти не планировали, а возросшую общественно-политическую активность интеллигенции расценили как происки внешней и внутренней контрреволюции, ужесточив свою политику в этом направлении. Помимо специальных статей в новом Уголовном кодексе, карающих за инакомыслие, в обществе начинает распространяться сеть осведомителей, помогающих его выявлять. По сведениям информаторов, в Пермском университете значительная часть профессуры еще в начале 1923 года тяготела к партии кадетов, хотя студенчество этих воззрений не разделяло. О политической принадлежности представителей профессорско-преподавательского корпуса Уральского университета точных сведений не сохранилось.

Логическим продолжением «ужесточения» партийной линии стали решения XII Всероссийской конференции РКП(б) (август 1922г.), которые

открыто нацеливали низовые организации коммунистов на подавление любого свободомыслия в обществе.

Во втором параграфе «Окончательное завоевание властью университетских органов управления (1923-1925гг.)» рассматривается заключительный этап реорганизации административного аппарата уральских вузов согласно Уставу 1921 года.

Репрессии по отношению к политическим противникам и оппозиционно-настроенной интеллигенции, предпринятые центральным руководством в 1922 году, продемонстрировали региональным лидерам определенный алгоритм действий, который был использован на Урале, когда очередные выборы в правление Уральского университета зимой 1923 года привели к обострению отношений власти с профессурой.

Конфликт заключался в том, что преподавательский коллектив отказался направить своего представителя для работы в правлении, протестуя против прямолинейной позиции ректора-коммуниста Б.В.Дидковского и требуя его замены. Создававшаяся ситуация оценивалась как «университетский кризис».

Уралбюро ЦК решило выслать организаторов «кризиса» профессоров И.А.Левина и А.А.Гапеева за пределы Урала, одновременно пересмотрев отношения с профессурой в сторону «смягчения» партийной линии. Попутно было ликвидировано принципиальное расхождение во взглядах между местными руководителями хозорганов и основной частью Уралбюро, расценивавшего прагматизм хозяйственников в отношении использования технической профессуры как политическую близорукость. После расправы над профессорами их деятельность была поставлена под более жесткий партийный контроль.

Значительную роль в преследовании несоветской профессуры сыграли организации пролетарского студенчества, которые боролись за проведение советской реформы вузов «снизу». На определенном этапе они становятся ключевым механизмом власти внутри университетов, частично «демонтированным» уже в 1924-1925гг. после достижения политического превосходства коммунистов в высшей школе.

Организовав «дело Гапеева и Левина», областное партийное руководство смогло несколько стабилизировать обстановку в Уральском университете. УГУ лишился талантливых сотрудников с большим научным и административным потенциалом, которым нелегко было найти замену. На протяжении 1923-1925гг. кадровая проблема в университете продолжала стоять довольно остро, но главная политическая задача была решена – выступления профессуры против советской реформы высшего образования практически прекратились. Примечательно, что меры Уралбюро не встретили одобрения в Москве, поскольку были направлены против профессоров-техников, чей профессиональный уровень оценивался довольно высоко.

На выборах в правление УГУ осенью 1923 года после большой предварительной работы со стороны Уралбюро ректором снова был утвержден коммунист - В.В.Алферов, а следующие выборы уже продемонстрировали полное единодушие в рядах преподавателей и студентов, закончившись

избранием члена партии С.А.Бессонова. После перевода медицинского факультета в Пермь университет был переименован в Политехнический институт (1925).

В Пермском университете проведение нового Устава началось с некоторым запозданием, так как среди членов местной парторганизации не было образованных людей, способных возглавить вуз. Поэтому вплоть до конца 1924 года ректором оставался беспартийный профессор В.В.Шмидт, а реорганизация внутривузовской жизни проходила более спокойно.

Материальное положение вузов Урала на протяжении рассматриваемого периода оставалось чрезвычайно сложным. Университеты существовали главным образом за счет отчислений местной промышленности.

Таким образом, действуя комбинированными средствами – от переговоров и обещаний уступок профессуре до административного давления и привлечения ГПУ, Уралбюро сумело обеспечить идеологическое влияние коммунистов в вузах края. Несмотря на то, что в Пермском университете советская реформа образования проводилась менее форсированно, политические результаты реорганизации внутренней жизни вузов к 1925 году были приблизительно равноценными: она была полностью перестроена в интересах Советской власти.

Вторая глава «Преобразование учебно-научной деятельности уральских вузов в годы нэпа (1921-1925гг.)» содержит анализ изменившихся компонентов учебного процесса и основных направлений научных исследований, проводившихся университетами края.

Первый параграф «Изменение системы обучения и преподавания» посвящен перестройке учебной жизни уральских вузов в соответствии с устремлениями Советской власти. Отмена образовательного ценза, ставшая основным содержанием новых правил приема в вузы, должна была облегчить дорогу к высшему образованию выходцам из рабочих и крестьянских семей. Но учебные программы, которые читались в вузах, предполагали наличие у поступившего вполне определенного уровня подготовленности, без которого обучение было попросту невозможным. Профессора были вынуждены адаптировать свои курсы в соответствии с уровнем образованности студенческой аудитории и поначалу отсеивать большую часть пролетарской молодежи.

Начиная с 1922-1923 учебного года прием поступающих в вузы осуществляется по командировкам партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Доступ в высшую школу для выходцев из социально чуждых слоев практически закрывается. Но профсоюзы, получившие в 1922 году 55% мест в высших учебных заведениях, оставшихся после зачисления рабфака, не сумели заполнить представленные вакансии. Следующий 1923-1924 учебный год, объявленный годом «классового приема», позволил значительно изменить социальный состав студенчества, но одновременно опять продемонстрировал недостаток подготовленной пролетарской молодежи. Результатом стало решение Наркомпроса о резком сокращении численности студентов и сети вузов, без учета долгосрочных экономических последствий такого решения.

Для проведения классовой дифференциации студентов в декабре 1922 года в вузах вводится плата за обучение в размере 100-200 золотых рублей в год. В уральских университетах были отмечены случаи обращения пролетарского студенчества в Главпрофобр с просьбой об увеличении платы для классовых противников, что говорит о большем радикализме местных партийцев. От платы за обучение освобождались члены партии и комсомола, а также рабфаковцы и дети профессоров.

В силу отсутствия необходимой подготовки у нового студенчества происходит резкое падение успеваемости в вузах. Но акцент постепенно смещается с освоения спецпредметов на повышение общей политической грамотности студентов, которых не отчисляют в случае убедительной политблагонадежности. В вузах процветает второгодничество.

Справиться с программой высшей технической школы пролетарскому студенчеству должен был помочь переход к 3-летнему учебному плану. Учебные программы сокращались за счет освобождения от «излишнего» теоретического «балласта». В Уральском и Пермском университетах переход к сокращенному курсу обучения вызвал нарушение учебных программ, повлекшее за собой сбой во всей системе обучения. Фактически произошла замена курсовой системы на предметную, результатом чего стало не сокращение, как планировалось Главпрофобром, а увеличение сроков обучения в вузах. Представителями нового плохоподготовленного студенчества они растягивались зачастую до 8-10 лет, чем и объясняется практическое отсутствие выпусков из УГУ и ПГУ на протяжении 1-й половины 20-х гг.

Быстрейшему изменению социального состава обучаемого контингента содействовали неоднократно проводившиеся в 1922-1924 гг. перерегистрации и «чистки» студентов, формально имевшие целью освобождение вузов от неуспевающих. В действительности эти акции проводились на основе четких классовых критериев. После самой масштабной «чистки» 1924 года уральские университеты покинуло около 25% студентов.

Для повышения политической грамотности студенчества в соответствии с новой идеологией весной 1921 года в вузах начинают вводить обязательный научный минимум. УГУ был более обеспечен преподавателями общественно-политических дисциплин, в то время как Пермский университет еще в середине 20-х гг. испытывал нехватку подготовленных лекторов. Программы поначалу составлялись самостоятельно, и только к 1925 году появились типовые программы для всех курсов высших учебных заведений. Поскольку за незнание основ марксизма можно было лишиться академического пайка или вообще чтения курса, для основной массы преподавателей освоение новой теории стало вопросом выживания.

Попутно изменяются методы преподавания: их требовалось приблизить к практическим требованиям жизни. Получает распространение семинарская система в ущерб лекционным курсам, для сдачи отчетности практикуется бригадный метод. Указанные нововведения неизбежно сказывались на посещаемости и качестве знаний студентов, а в целом перестройка учебного

процесса привела к ухудшению количественных и качественных показателей подготовки специалистов.

Во втором параграфе «Взаимодействие с властями в области научных исследований» обращается внимание на особенности организации научной работы в УГУ и ПГУ. Вопреки установке властей на преимущественно учебный аспект деятельности вузов, уральские университеты в годы нэпа проводили большую научно-исследовательскую работу. Пермский университет в соответствии со своим естественно-научным профилем специализировался на изучении проблем медицины, сельского хозяйства, биологии. Уральский университет, отвечая запросам местных промышленных предприятий, постепенно превращался в центр технических наук края. В соответствии с новым Уставом, профессора были обязаны заниматься также научно-просветительской работой.

Внимание партийных органов было сосредоточено на решении политических задач в области науки: под их контроль в 1922-1923 гг. перешла публикация научных трудов, подготовка младшего научного персонала, деятельность научных объединений. Научная карьера постепенно становится невозможной без овладения основами марксизма

Чтобы поставить под контроль работу крупнейшего на Урале научного Общества любителей естествознания, власть организует уголовное преследование его президента профессора Уральского университета М.О.Клера, который был обвинен в шпионаже в пользу французских капиталистов. Помимо этого, с помощью «дела Клера» удалось решить еще несколько политических задач: ограничить оппозиционную активность профессуры; скрыть бедственное положение платиновых приисков; дискредитировать деятельность иностранных благотворительных миссий. Несмотря на явную ангажированность процесса, профессор Клер был приговорен к расстрелу с заменой приговора на 10 лет лишения свободы. УОЛЕ было в срочном порядке пополнено коммунистами.

Попытка выступить в защиту Клера дорого обошлась его коллеге по университету – профессору В.Е.Грум-Гржимайло. С подачи властей против него в прессе была развязана агитационная кампания, а представители нового студенчества сделали все, чтобы выжить его из УГУ. В.Е.Грум-Гржимайло был вынужден покинуть Урал, где проработал не один десяток лет и приобрел мировую известность как автор гидравлической теории пламенных печей. Благодаря своему научному авторитету Грум вскоре сумел добиться освобождения профессора Клера по амнистии.

После разгрома УОЛЕ деятельность научных обществ края полностью подчиняется интересам государства.

В заключении диссертации содержатся основные итоги исследования, выводы и обобщения.

Анализ материала показал, что на протяжении изучаемого периода взаимоотношения высшей школы Урала и власти развивались в направлении нарастания политического превосходства последней. В процессе перестройки внутриуниверситетской жизни профессорско-преподавательский корпус был

вынужден отказаться от представлений о внеклассовой школе и подчиниться требованиям советского Устава вузов 1921 года.

Положение профессуры осложнялось тем, что реорганизация системы высшего образования в 1-й половине 20-х годов являлась для государства исключительно политической задачей. Прямая заинтересованность в качественной профессиональной деятельности преподавательского персонала практически отсутствовала, что облегчало власти задачу диктовать свои условия и «перевоспитывать» вузовскую интеллигенцию невзирая на определенные издержки.

Захват командных высот в университетах позволил провести их советизацию в самые короткие сроки. К концу изучаемого периода органы управления местных вузов полностью находились в руках коммунистов, что означало безвозвратную ликвидацию самой идеи «академической автономии».

Власть на Урале в 1-й половине 1920-х годов была представлена сложной структурой советских, хозяйственных и партийных органов, но из документов Уралбюро становится ясно, что именно этот «филиал» ЦК с самого начала 20х годов имел неограниченные полномочия в регионе, в то время как исполкомы Советов, руководство государственных учреждений, органы ГПУ и другие ячейки власти практически сразу оказались в зоне его политического контроля.

При его непосредственном участии происходит подчинение научных объединений, которые реорганизуются в интересах государства либо совсем ликвидируются. Уничтожение этих и других институтов гражданского общества имело большое значение для последующего складывания тоталитарного режима в Советской России.

Одновременно начинает формироваться определенная «подсистема страха», имеющая в своей основе представление о вездесущем «государевом оке». Внедрение широкой сети осведомителей, «раскинутой» партийными органами во всех организациях и учреждениях, в том числе высшей школы Урала, сыграло в распространении указанного явления определяющую роль.

Изучая историю реформирования высшей школы Урала, можно проследить, как уже в 1-й половине 20-х годов закладываются основы тоталитарного государства. Его сущностной чертой является узурпация всех государственных функций правящей партией, по причине чего исчезает механизм защиты интересов отдельного человека. Власть концентрируется у партийного аппарата. На смену либерально-демократическим взглядам приходит новая идеология с ее групповой ответственностью и приоритетом классовых ценностей.

С другой стороны, в целом мероприятия большевиков в области образования вполне можно рассматривать в русле теории модернизации. Стремительный переход от состояния почти поголовной неграмотности населения к обязательному начальному образованию и последующее с 30-х годов развитие высшей школы служат объективным свидетельством модернизаторской направленности партийной культурной политики. Однако начальный период проведения реформы вузов говорит о том, что в годы нэпа задача широкого развертывания системы высшего образования не

соответствовала ни экономическим возможностям, ни первоочередным политическим целям Советского государства.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. К вопросу о взаимоотношениях старой профессуры и новой власти. А.А.Гапеев. // Междисциплинарный подход в историческом исследовании: Тез. науч. конф. студентов и аспирантов ист. факультета. - Екатеринбург, 1992.

2. Ученый-геолог А.А.Гапеев: инакомыслящий 1923 года (в соавторстве) // История Советской России: новые идеи, суждения: Тез. докл. второй республиканской науч. конф. Ч.2. – Тюмень, 1993.

3. К вопросу о сменовеховстве на Урале // Высшая школа в преддверии XXI века: Тез. докл. науч. конф., посвященной 75-летию УрГУ.- Екатеринбург, 1995.

4. Власть и научно-педагогическая интеллигенция Урала в начале 20-х годов // Интеллигент в провинции: Тез. докл. Всеросс. научно-практ. конф. 4-5 февраля 1997г. Вып.2.- Екатеринбург, 1997.

5. Вузовская автономия в системе ценностей интеллигенции в первые годы нэпа // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи»: Тез. докл. и сообщ. Всеросс. науч. конф. 24-25 дек. 1998г. – Екатеринбург, 1998.

6. О методах проведения партийной политики в вузах Урала в 1-й половине 20-х годов // Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всеросс. конф. с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех». 1-2 июня 2001г. – Екатеринбург, 2001.

Подписано в печать _____ Формат 60x84 1/16 Бумага офисная
Объем 1 уч.-изд. л. Тираж 100 Заказ № ____ Ризограф
Отпечатано в лаборатории оргтехники УрГУ.
Екатеринбург, ул.Тургенева, 4.